

2012/1 (7)

УДК 008:351.85

Разлогов К. Э.

Содержание

Теоретическая культурология

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»:
социальный конструктивизм
vs. медиализация

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф
или реальность?

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов
памяти и забвения
в исторической перспективе

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы
исследования рода
в провинциальной российской
традиции

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования
аксиологического пространства

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности
культурологического подхода
к анализу и оценке

Румянцев М. В.

Лаптева М. А.

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Андреева С. В.

Междисциплинарное исследование
креативных индустрий
и творческой экономики
Красноярска

Духовное возрождение — миф или реальность?

Аннотация. В статье рассматривается проблема традиционной ментальности, ее трансформации в связи с процессами модернизации. Отмечается, что культура и средства массовой информации обладают способностью (хотя и ограниченной) воздействовать на ментальность, что приобретает особое значение в период глобализации. В связи с этим, в качестве основной задачи культурной политики называется обеспечение органичного взаимодействия национальной ментальности, духовности и культуры. Приоритетные задачи государства в таких условиях — создание противовеса коммерциализации в культуре и поддержка конкурентоспособности отечественной культурной продукции на внутреннем и мировом рынках.

Ключевые слова: духовность, духовная культура, ментальность, массовая культура, глобализация культуры, культурная политика, государственная поддержка культуры

В мире сосуществуют различные представления о духовности и о культуре [1]. Применительно к последней публицисты любят вспоминать о том, что только определений культуры насчитывается несколько сотен. Однако я не могу согласиться с тем, что в этой совокупности мнений нельзя обнаружить признаков системности. Скорее наоборот. Силowych полей в этой сфере не так уж много.

В русском языке сложилось устойчивое словосочетание «духовная культура» [2], в отличие от западноевропейской традиции, где к сфере духовности относится преимущественно религия [3]. У нас духовная культура и ее синоним — духовность — возвышается над культурой материальной — памятниками, музейными и прочими ценностями, произведениями искусства, и отчасти соответствует нематериальной культуре в терминологии ЮНЕСКО [4].

Эти расхождения обычно считаются косвенными проявлениями ментальности, характеризующей различные народы мира. Эта проблематика принадлежит к числу наиболее обсуждаемых и наименее изученных [5]. Поэтому в этой области приходится ограничиваться рабочими гипотезами, которые нередко подтверждает или опровергает сама жизнь.

На мой взгляд, ментальность народов России в большей мере определяется историко-географически, нежели этнически. Поэтому я обычно говорю о российской, а не только о русской ментальности.

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.

Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.

Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.

Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.

Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.

Кондаков И. В.

Костина А. В.

Шапинская Е. Н.

Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.

Разлогов К. Э.

Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.

Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.

Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.

Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.

Курова-Чернавина Н. С.

Энциклопедический текст на фоне

Ментальность эта формировалась, в первую очередь, под воздействием огромных равнин и достаточно тяжелых климатических условий. Горные территории в России — исключение, ощущаемое основной массой населения как непригодное для жизни (отсюда и «выпадение» из очерчиваемого менталитета горских народов, в первую очередь — кавказцев).

Преобладание равнин определило ощущение бесконечности пространства — за природные ресурсы не надо было бороться, их использование даже с минимальными усилиями обеспечивало выживание населения, а в случае ископаемых — и богатство нации, государства, отдельных индивидов, которым «посчастливилось». Так разрывалась связь между трудом и благосостоянием, возникало отрицательное отношение к накопительству. К богатству вели не индивидуальные усилия, не работа, а удача или воровство. Идеалом духовности был отказ от мирских благ — старчество.

Тяжелый климат стимулировал фатализм, природа (и внешняя и внутренняя) воспринималась как форма угнетения и порабощения человека. Парадоксально, аналогичным было отношение к политической власти — она всегда приходила извне (от татар, Бога, Маркса или Джеффри Сакса) и воспринималась и воспринималась как неизбежное зло — от любых попыток что-то изменить может быть только хуже. Природные или божественные силы сами по себе приведут к возрождению (в том числе и духовности) и накажут грешников. Социальная самоорганизация существовала и существует как бы сама по себе, независимо от институтов власти. Мораль, безусловно, важнее закона, нормы которого, как правило, в том ли ином отношении нарушаются основной массой населения. В то же время нормой считается распределение благ «по знакомству» («блат» советского времени или nepотизм в общекультурологической перспективе), и взятки являются естественным продолжением этой системы отношений на рыночном этапе.

Жизненные процессы протекают неторопливо — «Поспешность нужна только при ловле блох». «Культура семечек» и деревенских бесед на завалянке с легкостью переключалась в городскую среду в самых разных формах: от пьяного застолья до интеллигентских посиделок на кухне. Потребление алкоголя (и злоупотребление им) было до недавнего времени основной формой снятия стресса. В современных условиях повышенного напряжения эту функцию поделили между собой наркотики и массовая компенсаторно-развлекательная культура.

Очевидно, что описанная в общих чертах ментальность, присущая подавляющему большинству населения и транслируемая естественным путем из поколения в поколение, с трудом поддается каким бы то ни было трансформациям, в особенности процессам модернизации. Поэтому так называемые модернизационные элиты в России отличаются крайности: от искусства авангарда до массовых репрессий. Как правило, сопротивление среды все же оказывается сильнее, что еще более ожесточает «обновленцев». Культурный консерватизм, особенно если он поддерживается политически, разрушает реформаторство по западному образцу. Отсюда и парадоксальность наших попыток «перестройки»: импульсы «назад к традиции» и «вперед к рынку» взаимно блокируют друг друга.

Ведущую роль начинает играть «извращенная» (но естественная для данной ментальности) реакция на предлагаемые изменения. Реальная жизнь течет вовсе не по тому руслу, которое запланировали и

подготовили реформаторы, что нашло отражение в крылатой формулировке «реформы буксуют». Люди продолжают действовать естественным для себя образом, приспособляясь к обстоятельствам.

Приведу только один пример. Экономические реформы были, во всяком случае, на словах, направлены против социального иждивенчества: работай больше и лучше и твоя жизнь станет лучше. Однако всем было ясно, что головокружительное богатство «элит» зависит вовсе не от количества и качества труда. Сколько ни работай, все равно останешься нищим. Судя по уровню бюджетных зарплат, люди давно уже должны были умирать от голода. Однако они нашли выход: пошел активный процесс дезурбанизации, выживание обеспечивало старшее поколение на еще не забытом приусадебном участке, среднее стало более активно все нести с места работы для использования или на продажу, а молодежь постаралась вписаться в неформальный экономический авангард, от рэкета до проституции. Жизнь лучше не стала, но она стала другая, и потери были минимизированы.

Результаты реформы, если брать ситуацию по России в целом (исключая Москву и центры добывающей промышленности), оказались прямо противоположными задуманному. Зато азартные формы обогащения «ниоткуда» приняли устрашающий размах: финансовые пирамиды, казино, телевизионные игры, и т.п. Ведущую роль в реальной экономике в новых условиях начинают играть представители иной ментальности: азербайджанцы, армяне, евреи, что неминуемо ведет к социальной напряженности и этническим конфликтам [6]. Источник противоречия — игнорирование культуры основной массы населения, При этом реакцию людей можно считать позитивной — именно ментальность (и массовая культура) обеспечила и обеспечивает выживание нации в условиях перманентного «социального эксперимента».

Способностью (впрочем, весьма ограниченной) воздействия на ментальность обладает в современных условиях исключительно сфера культуры и массовых коммуникаций. Вторжение глобальной массовой культуры уже весьма очевидно изменило облик и образ мыслей небольшой части городской молодежи [7]. Культурные «элиты» старшего поколения восстали против этих «незапрограммированных» трансформаций и требуют их пресечения. В этом они получают поддержку не только властных структур, но и основной массы населения, которое в нормальных, не революционных условиях всегда консервативно. Психологические механизмы модернизации опять-таки привносятся извне, однако опираются и на существенные феномены национальной традиции: «культура семечек» породила и свои самобытные феномены массовой культуры — нецензурную лексику, частушки, блатной фольклор, анекдоты и советскую эстраду.

Вторая, не менее важная сторона процесса — вхождение явлений российской культуры в культуру глобальную, транснациональную по определению. Пока российская доля значительна лишь в разделе «популярной классики», от музыки Чайковского или Прокофьева до романов Толстого и Достоевского. Хотя последние известны массовой аудитории в мире преимущественно как названия или экранизации, возможен и прямой охват читателей, как в анекдотическом случае вхождения «Анны Карениной» в число бестселлеров в США после рекомендации ведущей популярного телевизионного шоу. В мировом контексте и «цыганщина» (см. фильмы Никиты Михалкова) воспринимается как существенная часть «славянской души», хотя культурные источники тут разные. Из текущего культурного процесса

сенсацией стала лишь группа «Тату».

Все названные (и не названные) проникновения в обоих направлениях происходят в точках пересечения российской духовности с универсальными психологическими импульсами, присущими в той или иной степени всему населению земного шара. Таким образом, найти формы органичного взаимодействия национальной ментальности, духовности и глобальной массовой культуры — основная задача культурной политики, ориентированной на развитие страны и народа в целом.

Большая часть распространенных воззрений на духовную культуру вписывается в представления о так называемой «культурной вертикали». Хрестоматийное определение в этом контексте: «Культура — это все то лучшее, что создано человечеством». В соответствии с этим постулатом выстраиваются различные иерархии: и произведений искусства — по художественному качеству, и людей — по уровню культурного развития. В воображаемой вершине всех этих иерархий оказывается точка, где сливаются воедино истина, добро и красота, иными словами — Господь Бог, а точнее — христианская Троица, коль скоро речь идет о европоцентристской концепции, господствовавшей вплоть до рубежа XIX–XX вв. Отсюда и идеи Просвещения, согласно которым два-три процента населения земного шара, грамотные настолько, чтобы одолеть многостраничный роман, прилагают все усилия для того, чтобы просветить некультурное человечество. Отсюда и привилегированное положение в сфере культуры литературного и художественного творчества, призванного в новое время (эпоху модерна, по Ю. Хабермасу) «открывать новое» и способствовать его распространению.

Здесь мы подходим ко второму — инструментальному представлению о культуре, в соответствии с которым формируется государственное управление в промышленно развитых странах, где к ведению Министерств культуры относятся, как правило, культурное наследие во всех его формах и текущее художественное творчество.

Иная линия представлений о культуре восходит к этнографии и этнологии и политически оформляется в середине XX в. в результате распада колониальных империй. Самые разные народы, традиции которых ранее интересовали только специалистов, добились независимости и не хотели больше считаться «некультурными». В результате возникло представление о множественности культур и их принципиальном равноправии вне зависимости от числа носителей той или иной культуры. Эти идеи получили воплощение в международной практике, в частности, в рамках ЮНЕСКО [8]. Параллельно под воздействием рыночной экономики и глобализации формировалась новая — компенсаторно-развлекательная — парадигма культурного развития на планете [9].

С точки зрения современной культурологии, культура — это система нравов, обычаев и традиций, которые объединяют разные группы людей, разные культурные сообщества. По определению, данному на Конгрессе ЮНЕСКО в Мексике еще в 1983 г., эти традиции и ценности находят выражение не только в произведениях литературы и искусства, но и в образе жизни, обычаях и ритуалах, в повседневной жизни и вообще в правилах общежития и поведения. Соответственно и культур множество, и культуры определяются на разных уровнях. Скажем, если говорить о культуре правящей элиты в нашей стране, то основным элементом этой культуры оказывается, как ни странно, лагерное

прошлое. Одни сидели в лагерях, другие, наоборот, охраняли их.

Мышление по понятиям, формулировки, которыми пользуются власти предрежающие в нашей стране, имеют лагерные истоки, как и популярность радио «Шансон». Доказательство тому — разговоры о «беспределе» в устах самых крупных наших политических деятелей. Тут нельзя не упомянуть, конечно, крылатую формулировку «мочить в сортире». С одной стороны, это устанавливает некие общие законы взаимодействия между властью и народом, которые говорят на одном языке и в одних понятиях, но, с другой стороны, свидетельствует о том, что жизнь по понятиям в этом кругу, конечно, значительно более действенный механизм, чем какие бы то ни было механизмы модернизации, предполагающие совершенно другие вещи. Поэтому особенно интересно наблюдать за тем, каким образом эти понятия трансформируются в ходе нашего политического и культурного процесса, каким образом люди понимают или не понимают друг друга.

Вот один пример. заместитель Министра культуры (не буду его называть — кто именно, не имеет значения) в тот момент, когда был объявлен курс на инновации, сказал на официальном форуме приблизительно следующее: «Вот теперь все понятно, у нас культура будет инновационной». С точки зрения современных научных представлений, культура не может быть инновационной, потому что культура по своей природе консервативна. Духовная культура базируется на том, что связи, обычаи и традиции, объединяющие людей, должны по возможности быть стабильными, иначе все будет сломано. Взаимопонимание будет разрушено. Поэтому культура, с этой точки зрения, — враг этих изменений, даже если бы они делались на какой-то более разумной основе, нежели та, на которой они делаются здесь и сейчас. Поэтому, когда мои коллеги, деятели культуры, обвиняют Президентов в том, что в Посланиях Федеральному собранию не упоминается слово «культура», я думаю, что его отсутствие не случайно. Умные советники понимают: культура — чуть ли не главный враг того, что они пытаются сделать.

Когда у Президента Медведева появился термин «культура», о чем он сказал? Он сказал, что надо терпимее относиться к авангардистским тенденциям в творчестве. Да, действительно, в культуре есть маленький, тоненький инновационный слой, который на русском языке принято называть актуальным искусством [10]. Это не просто современное искусство, создаваемое живущими художниками, а именно актуальное искусство, которое отвечает на тот вопрос, который здесь прозвучал: а что будет в будущем? И это актуальное искусство, как правило, нарушает культурные нормы, обычаи, традиции, ломает наши представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, разрушает нравственные устои и так далее. Поэтому за организацию выставки «Осторожно, религия!» люди идут под суд, поэтому художник, приковавший себя к забору нашего института и написавший на спине «Я не сын божий», вызывает глобальный скандал, хотя мы не разрешали эту акцию. Но, с точки зрения искусствоведа, это нормальная провокационная акция современного художника. Лающий художник Кулик или «целующиеся милиционеры», которых со скандалом министр культуры отказывается отпустить за рубеж. Вот это — инновация в культуре, и против этой инновации вся культура объединяется и начинает бороться, в том числе и судебными мерами.

С этой точки зрения, нужно иметь в виду, что в этой, казалось бы, чисто художественной борьбе иногда схлестываются непримиримые интересы. Вот сравнительно недавно на канале «Культура» было проведено

обсуждение пермского эксперимента. Галерист Марат Гельман привез актуальное искусство в Пермь. Пермь — традиционный русский город со своими культурными традициями, с писателем Алексеем Ивановым, которого считают одним из самых крупных современных писателей. Именно с ним во главе вся пермская интеллигенция и восстала против Гельмана и варягов, которые привезли это актуальное искусство с благословения местного министра культуры. То есть духовная культура как традиция абсолютно противостоит инновациям сначала в культуре, а затем и в обществе.

Есть ли в искусстве какие-то тенденции, которые следуют в одном направлении с культурой в целом? Есть. Это массовая культура, которая уже больше века развивается по принципу развлекательности. Развлекательность стала главным вектором культурного развития уже в конце XIX в. В начале XX в. она победила, и в течение ста с лишним лет победно шествовала по миру. Бороться против массовой культуры, как говорил польский режиссер Кшиштоф Занусси, это все равно, что бороться против плохой погоды [11]. Да, можно побороться, но толку от этого не будет никакого, потому что вся современная культура завязана на принципе удовольствия и, соответственно, развлекательности и базируется на той самой рыночной экономике, которую мы всячески пропагандируем.

Что получается в результате? В результате, те перестройки, которые строились у нас в самом начале горбачевских реформ, были основаны на элементарной шизофрении. То есть мы говорили: что такое «перестройка»? С одной стороны, это рыночная экономика, демократия, правовое государство, либерализм и так далее. С другой стороны, это восстановление русской православной церкви, средневековья, древних обычаев и традиций. Это вещи диаметрально противоположные, они абсолютно друг с другом не сочетаются.

В конце 2010 г. был принят закон о возвращении церкви в том числе того, что ей не принадлежало [12] или было отобрано еще Петром I. И здесь опять есть своя логика. А именно: поскольку цивилизация, в которой мы живем, к сожалению, в известной мере цивилизация воровская, то все воруют. А для того, чтобы вы дали нам воровать, мы тоже должны дать вам воровать. Вот какой культурный синдром реально стоит за законодательным актом, обсуждавшимся в Думе. Вот почему вся музейная общественность восстала против этого законопроекта и почему ни одному музейщику не дали сказать ни слова на всех официальных обсуждениях. Вот почему на телевидении была организована пропагандистская кампания, что все в музеях воруют, что в музеях сидят жулики. Без этого всего нельзя было провести ту маленькую операцию, которая родственна принципам торговли индульгенциями в Средние века.

А что, действительно, есть, и что будет? В отличие от политики, где предсказать будущее трудно, в культуре все проще. Тридцать-сорок лет тому назад я говорил, а затем и писал, что в первую очередь будут развиваться экранные формы культуры, благодаря новым технологиям будет расширяться аудитория искусства и возможности творчества, будут расширяться границы допустимого [13], и все это спокойно происходит, ничего страшного нет, как бы просвещенные элиты ни пугались.

Соответственно, что такое глобализация культуры? Это значит, что появляются тексты, обычаи, традиции, привычки, нормы, ценности, которые объединяют все население Земного шара. Конечно, это абстракция, реально всегда есть исключения. Существуют где-то в

джунглях пигмеи, есть отшельники, старцы, которых русская традиция культивирует и обожествляет, которые будут находиться вне этой глобальной массовой культуры. Но это единицы. А все остальные будут жить в этой культуре. И благодаря тому, что они будут жить в этой культуре, у них будет общий язык, общий набор понятий, терминов, представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо. Это и становится основой планетарной духовности, ведущая роль в формировании которой принадлежит, по всеобщему мнению, русской классической литературе [14].

Глобализация духовной культуры — чуть ли не единственное спасение от той разобщенности человечества, которая есть на самом деле. У всех разные интересы, но есть общие ценности, которые сохраняются. Поэтому взгляд с точки зрения культуры на то, что происходит, в том числе и в экономике, несколько специфичен. И этот иной взгляд позволяет понять, где, в каких точках культуры можно воздействовать на массы людей, а в каких нет. Культура заимствования никуда не денется. Культура стяжательства, которая кормит религиозные организации во всем мире на протяжении многих веков, тоже никуда не денется. Культура коррупции, которая есть часть нашей национальной традиции, никуда не денется. Идея того, что от нелепых законов мы спасаемся тем, что они не выполняются, тоже никуда не денется. Но и в этих пределах можно придумать что-то такое, что с помощью очень тонкого механизма социального и культурного регулирования, используя наши культурные традиции, будет все-таки приводить к каким-то позитивным результатам не только в социополитическом, но и в социокультурном плане. Весь вопрос в том, как это сделать? И здесь главное — перейти от позиции экономического детерминизма к приоритетам творчества и духовности.

Рассматривая сферу культуры и массовых коммуникаций в контексте проводимых в стране экономических реформ, следует, в первую очередь, подчеркнуть специфику культуры и искусства, без учета которой предлагаемые трансформации рискуют превратиться в фарс. Ряд общеэкономических закономерностей, безусловно, «работают» и здесь, хотя их последствия и оцениваются по-разному. Как я уже отмечал, стремительно идет коммерциализация культуры, в том числе и художественной. Массовая культура в самых разных формах (кино и телевидение, популярная беллетристика, «желтая» пресса, реклама и промышленный дизайн) уже захватила командные высоты и вряд ли кому-нибудь их уступит. Население нашей страны вошло в сферу действия законов глобализации, в том числе и в культуре.

Приоритетной задачей государства в этих условиях становятся не безуспешные попытки сдержать «тлетворное влияние Запада», а поддержка, в первую очередь — целевыми экономическими и законодательными мерами, конкурентоспособности продукции разных отраслей отечественной культурной индустрии, как на внутреннем, так и на мировом рынке. Поэтому вся система льгот (таможенных, налоговых и других) в системе культуры — не временная уступка, необходимость в которой отпадает по мере развития рынка, а постоянно действующая система мер, способствующая вхождению национальной культуры в мировой оборот. Эта система нуждается в постоянном обновлении и актуализации в свете эволюции мирового рынка информационных и культурных продуктов. Об этом свидетельствует опыт всех без исключения промышленно развитых стран.

Вместе с тем, и это особенно важно подчеркнуть, сбалансированности культурной жизни общества можно достичь только путем

одновременного усиления противовеса коммерциализации со стороны некоммерческих форм культуры, искусства, массовых коммуникаций. В результате, в отличие от большинства других отраслей экономики, роль и объем некоммерческого сектора в сфере культуры должны не снижаться, а увеличиваться. Процесс разгосударствления и изменения юридических форм существования организаций культуры не должен приводить к коммерциализации того, что не может и не должно приносить прибыль сегодня, от экспериментальных форм творчества до массового просвещения средствами культуры и СМИ. Отсюда лозунг — «чем больше рынка, тем больше государственной поддержки».

Надо подчеркнуть также принципиальную ограниченность возможностей учета результативности культурной и художественной деятельности с помощью традиционных и усредненных экономических показателей. Как известно, в духовной культуре мы имеем дело с «отложенным» (на десятилетия, а порой и на века) эффектом. Поэтому все попытки расчетов и ограничиваются охраной и реставрацией материальных памятников историко-культурного наследия. «Живая культура» — важнейший приоритет государственной политики — при этом игнорируется, поскольку «просчитать» ее принципиально невозможно — здесь нужна иная, более продвинутая и неизмеримо более сложная методика анализа [15].

В адаптации к специфике сферы культуры и массовых коммуникаций нуждается и система распределения государственных заказов. Система тендеров здесь нередко приводит к негативным результатам. Ведь речь идет о заказе индивидуального творческого продукта (даже в тех случаях, когда он создается коллективом авторов). Трудно себе представить тендер на программу «Намедни» или фильмы «Утомленные солнцем» или «Фауст». С уходом ведущего автоматически исчезает и программа (попытки сохранить ту или иную программу в конфликтных ситуациях неизбежно оканчивались крахом). В этом смысле тендер радикально отличается от кастинга (выбора актера на ту или иную роль). В первом случае ключевыми являются публикации в печати и конкурсные комиссии, во втором — целевой поиск по самым разным каналам с привлечением специализированных агентств и экспертов. Объявления эффективны лишь в случаях набора массовки. А решает не комиссия, которая обязана быть объективной, а режиссер, который субъективен по определению. Так, и только так можно достичь качественного результата.

Эти замечания касаются, разумеется, не только исполнительских искусств, но и любого результата творческого труда — от написания книги до организации фестиваля. Личность творца (творцов) здесь имеет принципиальное значение. Яркий пример тому — история с письмом издателя Карлу Марксу с угрозой «передать тему другому автору», если рукопись «Капитала» не будет сдана вовремя.

В центре внимания государства должна быть результативность деятельности, в сфере культуры и массовых коммуникаций далеко не всегда совместимая с бездумным следованием общим процедурам пресловутого ФЗ–94, направленного не столько против коррупции, сколько против творчества и инноваций. Это и будет магистральная дорога к духовному возрождению России. Иначе, как было сказано в пророческом фильме «Покаяние», «Зачем нужна эта дорога, если она не ведет к храму?».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Понятие «культура» уже давно является предметом научной рефлексии, история которой хорошо известна. Понятие «духовность» также достаточно широко обсуждается в самых разных аспектах. См., например: *Бондырева С. К. Колесов Д. В. Духовность (психология, социология, семантика)*. М., 2011; *Штумпф С. П. Духовность: аксиологическая направленность и социокультурная природа феномена : монография*. Красноярск, 2010; *Хомутцов С. В. Духовность в культуре: прошлое, настоящее, будущее*. Барнаул, 2009; *Гостева И. В. Динамика лингвокультурного поля «духовность» в русской языковой картине мира, 1981–2008 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Челябинск 2009; *Семёнова А. Н. Духовность народа и основания национальной и региональной политики: социально-философские аспекты*. Уфа, 2011; *Шевченко Н. И., Полуянов В. П. Профессионализм, ответственность, духовность и природно-техногенные опасности : монография*. Белгород, 2010; «Грядите с Богом!» : преподобный Серафим Саровский и духовность русской литературы XIX в. / сост.: *Т. К. Батунова, В. П. Зверев*. М., 2008 и др.

[2] Термин этот достаточно широко представлен и в научном дискурсе. см., например: *Духовная культура и проблемы социального управления*. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние , 1981; *Духовная культура славянских народов: литература. фольклор, история*. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; редкол.: *М. П. Алексеев* и др. Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1983; *Духовная культура и этническое самосознание / АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. Л. М. Дробижева*. Вып. 1–2. М., 1990–1991; *Кулибаба С. И., Калюжная Н. А. Духовная культура современного российского общества : состояние и тенденции формирования : (по материалам всерос. социол. исслед.)*. Астрахань, 2006 и др.

[3] Ср., например, статьи Википедии: Spirituality (URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Spirituality>), Spiritualité (URL: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Spiritualit%C3%A9>), Spiritualität (<http://de.wikipedia.org/wiki/Spiritualit%C3%A4t>) или переводные издания: *Ваайман К. Духовность: формы, принципы, подходы : в 2 т. М. : Библейско-богослов. ин-т св. ап. Андрея*, 2009; *Виттевин Х. Й. Бизнес и духовность: суфизм в действии*. М., 2007 (название оригинала: *Sufism in action: spiritualising the economy*) и др.

[4] Ср. известное определение, содержащееся в Ст. 2. Конвенции 2003 г.: *Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия*. Париж, 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения 15.03.2012).

[5] *Веретенников Н. Я. Российская ментальность и современность : учеб. пособие для студентов / Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского*. Саратов, 2000; *Таршис Е. Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования / Рос. акад. наук, Ин-т социологии*. М., 1999; *Кожевников В. П. Ментальность российской цивилизации: история и методология исследования*. М., 1998; *История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах*. М., 1996; *Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета / С.-Петербург. гос. ун-т*. СПб., 1993 и др.

[6] *Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 г.* М., 2004; *Тишков В. А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. 2. изд., доп.* М., 2005.

[7] См., например: *Шапинская Е. Н.* Очерки популярной культуры. М., 2008; *Афанасьев К. С.* Культурно-информационные сообщества молодежи в постсоветской России (1990-е — начало 2000-х гг.) : монография. СПб., 2007; *Суртаев В. Я.* Миры культуры глазами молодых. СПб., 2004; *Сергеев В. К.* Молодежная культура и СМИ / Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед. М., 2002.

[8] См., например: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами. Люксембург, 2009; *Перекликающиеся голоса : культурное разнообразие: путь к устойчивому развитию.* Париж, 2011. (Десятая годовщина принятия Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Париж, 2011).

[9] Урбанизация и развлекательная культура. М., 1991; *Теплиц К. Т.* Все для всех: Массовая культура и современный человек. М., 1996; *Фохт-Бабушкин Ю. Ц.* Искусство в жизни людей : (Конкретно-ист. исслед. искусства в России втор. пол. XX в.: история и методология). СПб., 2001; *Развлечение и искусство / отв. ред. Е. В. Дуков.* СПб., 2008.

[10] *Брэндон Т.* Актуальное искусство, 1970–2005. М., 2006; *Деготь Е.* Террористический натурализм. М., [1997]. (Passe-partout).

[11] *Занусси К.* Пора умирать : воспоминания, размышления, анекдоты. М., 2005.

[12] Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 327–ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

[13] *Разлогов К.Э.* Искусство экрана: проблемы выразительности. М., 1982; *Его же.* Коммерция и творчество: враги или союзники? М., 1992.

[14] См. материалы Международных Толстовских чтений, Яснополянские сборники, а также: *Tolstoy Studies Journal* [Электронный ресурс] / the Tolstoy Society of North America. URL: www.utoronto.ca/tolstoy/journal.html (дата обращения 15.03.2012); *Anniversary Essays on Tolstoy* / ed. by *D. T. Orwin.* Cambridge (Mass) : Cambridge UP, 2010 и др. См. также сайты Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Петербурге, в котором проходят ежегодные Международные конференции «Достоевский и мировая культура» (Достоевский и мировая культура : альманах / Общество Достоевского ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге. СПб., 1993–); Международного общества Достоевского (URL: <http://www.dostoevsky.org/>) и его журнала: *Dostoevsky Studies* (URL: www.utoronto.ca/tsq/DS/index.shtml/) и др.

[15] См., например: *Долгин А.* Экономика символического обмена. М., 2006.

© Разлогов К. Э., 2012

Статья поступила в редакцию 16 января 2012 г.

Разлогов Кирилл Эмильевич,
доктор искусствоведения, профессор,
директор Российского института культурологии (Москва)
e-mail: kirill.razlogov@gmail.com

Spiritual Renaissance, Myth or Reality?

Abstract. The author addresses a problem of traditional mentality and analyses its transformations within the framework of modernisation. It is stressed that (mass) culture and mass media have the ability (albeit limited) to influence mentalities, which is of particular importance in the age of globalisation. In this regard, the main task for cultural policy makers is to organise seamless (organic) interaction between national mentality, spirituality, and culture. In this situation, counterbalancing commercialisation of culture on the one hand and supporting competitiveness of domestic cultural production on the domestic and world markets on the other are the state political priorities.

Key words: spirituality, spiritual culture, mentality, mass culture , globalisation of culture , cultural policy, state support for culture

Razlogov Kirill Emilievich,

Doctor in Arts History, Professor,

Director of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow),

e-mail: kirill.razlogov@gmail.com